

Игорь
СОХАНЬ

Я

и

МЫ

Точка зрения
агностического
персонализма

Игорь Сохань

**Я и мы. Точка зрения
агностического персонализма**

«Алетейя»

2017

УДК 141
ББК 87

Сохань И. П.

Я и мы. Точка зрения агностического персонализма /
И. П. Сохань — «Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906910-11-0

Что такое агностический персонализм? И кто такой персоналист, исповедь которого изложена в этой книге? Песчинка мироздания или необъятная Вселенная? Как связаны между собой персонализм и религия, персонализм и психология, личность и общество? Какое место занимает персонализм в современной философии? Попыткой ответить на эти и многие другие вопросы бытия и является откровенная исповедь автора. Книга будет интересна всем, кого волнуют вопросы современной философии, кто пытается понять, что же такое окружающий мир, и осмыслить свое место в нем.

УДК 141
ББК 87

ISBN 978-5-906910-11-0

© Сохань И. П., 2017
© Алетейя, 2017

Содержание

Введение	6
Картина мира и персонализм	7
Персонализм XX века	13
Исповедь персоналиста	26
Глава 1. Простое, понятное	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Игорь Сохань

Я и мы. Точка зрения агностического персонализма

© И. П. Сохань, 2017

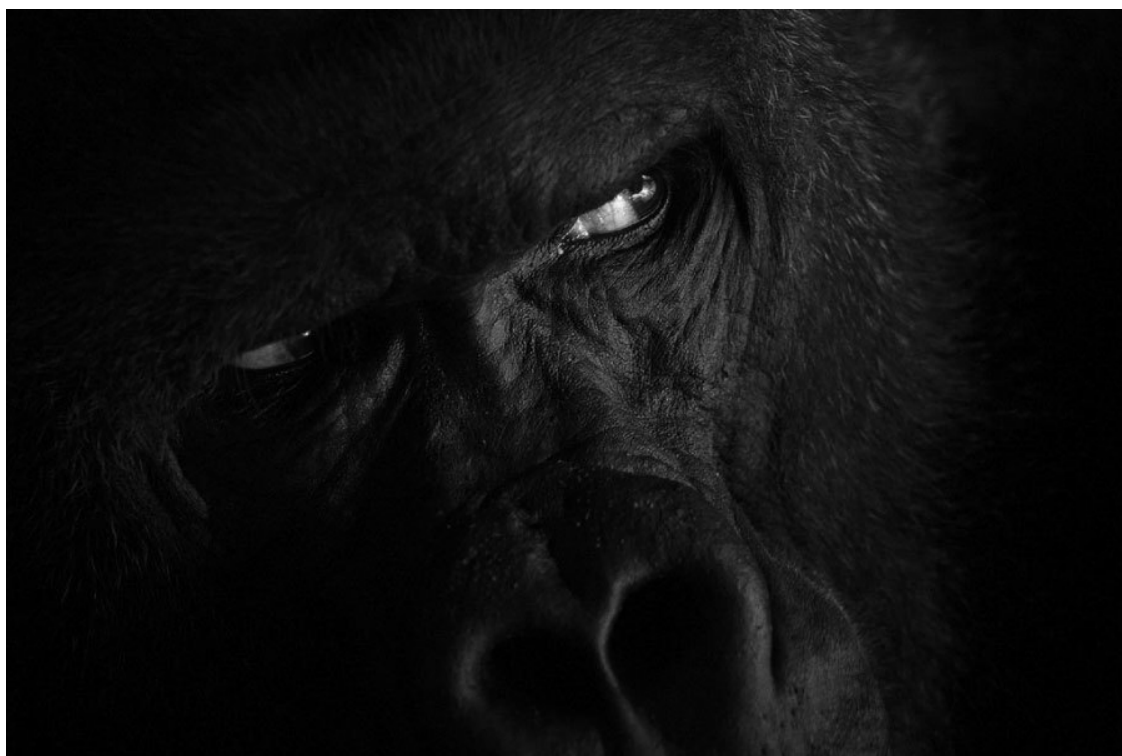
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

* * *

Посвящается друзьям юности

*Что нас связывает: любовь, привычки, общее понимание
истины, обиды, обманы?*

*Кто владеет истиной: Я или ты. Можем ли мы вдвоем, втроем
владеть общей истиной?*

**Я – это Я.
Ты там кто?**

Введение

В данной работе проблема «Я» представлена в том виде, что если Я каким-то образом одно, тогда с ним все понятно, совершенно просто в наивысшем смысле и, можно сказать, божественно: вместе с Я, возвышая себя, мы образуем формальное единство – только Бог и Я. Сложности возникают, когда Я не одно и рядом возникает тождественное Ты и множественное всемогущее Мы. В итоге самопроизвольно порождается из ничего кластер хтонических хаотических обид, включающих любовь, ревность, попытки доминировать, подчинять, обманы, насилие, покорность... «Я», блеснув, моментально начинает тускнеть, усредняться, теряться среди постоянно возникающего подобного.

Персонализм не стал общепризнанной философией.

В этом нет трагедии. Скорее – положительный признак избранности в переносном смысле: не тебя выбирают, а сам выбираешь и гордишься выбором.

Этот текст написан не столько как академический трактат, а с определенным чувством юмора.

Как бы мы ни формулировали свое представление о мире, без юмора (а это весёлый, но серьезный взгляд) не обойтись. В этой книге автор часто говорит о своей собаке, пятилетнем спрингере-спаниеле, за поведением которой он наблюдал в течение пяти лет и размышлял о том, как бы поступил в том или ином случае на месте собаки или как бы собака повела себя в определенной ситуации, будучи автором; отмечал общие моменты и различные, когда понятно поведение собаки, когда спаниель понимает поведение хозяина, а также анализировал заключения по отношению друг к другу.

Это важно в персонализме. Если постоянно сравнивать себя с самыми близкими, незаметно и непроизвольно погружаешься в такую среду, из которой немногие могут выпутаться. При сравнении себя с близкими – братом или сестрой, папой или мамой, с сослуживцами, коллегами, школьными друзьями – человек ощущает вначале что-то теплое-теплое, потом что-то нечистое (вроде как незачем сравнивать себя с ними, поскольку люди-то разные и сравнение ничего не добавляет, но если не с ними, с кем же тогда?) Большинство наших близких в полноценном смысле нам не близки. Родственники обычно чужды по духу, а друзья по духу зависимы от обязательств и бывают преимущественно связаны со своими родственниками. Дружить легко и просто в юности, когда молодая особь отдалась и освободилась от обязательств по отношению к семье, но еще не имеет обязательств в семье новой. Легко дружить на службе. Классический пример дружбы разновозрастных людей на службе – четыре мушкетера в известном романе Дюма. Со временем друзья разбрелись: одни по своим поместьям, другие остались на службе, и картина мира этих друзей (литературных героев) лишилась многих совпадений. В персонализме дружба имеет огромное значение, поскольку именно друзья живут максимально подобной картиной мира. У нашего брата и сестры, папы и мамы, жены или мужа, дочери или сына может быть совершенно иная картина мира, и тогда жить с ними со временем становится все сложнее и в результате почти невыносимо, пока не появится то, что может опять так или иначе сблизить: горе, беда, болезнь, радость, рождение, общее дело.

В первой части данной книги мы будем говорить об истине, поскольку именно внутренний разговор об истине – это постоянная порождающая составляющая персонализма. К счастью, истина – такое понятие, о котором можно рассуждать бесконечно.

Картина мира и персонализм

Картина мира – это внутренний мир, микрокосм, включающий в себя все, что мы помним, что можем вспомнить, наши привычки, убеждения, любовь и отвращение, все, чем мы живем или жили, включая неосознанное, потаенное и неназванное, запахи и вкусы.

Микрокосм – малая вселенная. Так думали в древнее время, когда индивидуальность не приобрела столь высокое значение, как в Новое время. В персонализме, скорее, нужно говорить, что человек – это не малая, а особая вселенная, во многом подобная микрокосмам других людей, но поскольку каждый из нас по-своему любит свое тело, которое является тоже частью нашего микрокосма, размышлять о полном единстве невозможно.

Картина мира – словосочетание, которое было использовано Хайдеггером в его небольшой работе «Время картины мира» (лекция 1938 года). Вот несколько отрывков из этой лекции: «При слове “картина” мы думаем прежде всего об изображении чего-то. Картина мира будет тогда соответственно как бы полотном сущего в целом».

С этим можно согласиться, поскольку мы все художники и рисуем мир по-своему. В персонализме картина мира формируется в голове, в душе, в памяти, во всем нашем «нашем».

«Картина мира, сущностно понятая, означает таким образом не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины... Где дело доходит до картины мира, там выносятся кардинальное решение относительно сущего в целом. Бытие сущего ищут и находят в представленности сущего».

Хайдеггера цитировать нелегко. Гуссерля тоже непросто. Спасибо переводчикам. Две различные философии, два философа. Это одновременная попытка с разных точек зрения осмыслить и сформулировать на определенном языке процесс познания мира человеком в наивысшей форме: «что мы можем понять в мире и насколько мы сами мешаем пониманию того, что мы называем познанием». Это было очень важным критерием для развития наук в то время. Физика, биология, химия в первой половине XX века должны были получить обоснование сквозь призму должного объяснения: как мы все понимаем этот мир, как передавать знания. Передача знаний – это капитальный вопрос, который имел самые неожиданные решения в разные эпохи. В Новое время, когда возникали цеховые гильдии, передача капитала (навыков и умений) осуществлялась одним образом, в современности – по-иному. К тому же разные страны вопрос передачи капитала решают по-своему.

Знание – тоже капитал. С передачей знания возникла «золотая» проблема. Как ни как – передаем истину, которая, как известно, дороже денег. Деньги дороже золота: золото нужно хранить в Форт-Ноксе, а бумажные деньги сами бегут по миру где хотят и никуда не деваются. Хайдеггер начал дискутировать с учителем Гуссерлем, спустя много лет подключился Сартр, и, если не говорить о всех других мыслителях середины XX века, которые тоже спорили друг с другом, в итоге 99,9 % популяции разумных людей на планете Земля перестали понимать то, о чем они говорят и о чем кто с кем спорит. Произошла офшоризация передачи интеллектуального капитала: так транслируют знание как ценность в университетах, но главное знание передают мудрые мужи на конференциях в самых изумительных уголках земли.

Это нормальное явление в науке. При всей близости гениальности Эйнштейна и Пуанкаре, они жили в разное время. Хотя были современниками в течение какого-то периода, это не значит, что один важнее другого, как нельзя сказать, что Сократ важнее, чем Платон.

Но они по духу друзья! Хотя именно друзья по духу могут изуродовать жизнь один другому (например, история жизни апостола Петра и его друга).

Процесс передачи капитала – сложный сам по себе. В современном мире нужно платить налог на прирост капитала, если не пользоваться исключениями. Знание тоже трудно передать. Любая передача – это риск. Если мы знаем множество способов передачи капитала от одного человека другому, от одной фирме другой, от одного поколения другому, неужели хорошее знание бежит по миру, как деньги уважаемой страны? Капитал прилипает, поскольку мысли, деньги не могут бегать сами по себе. Это неестественно. Мысли прилипают к друзьям.

Проще всего говорить о важном с надежными друзьями.

Друзья нам близки, поскольку у нас с ними не только одинаковые или близкие представления о добре и зле, но примерно равные видения мира и что-то общее важное в нашей памяти. Наши картины мира во многом пересекаются, хотя у нас могут быть различные привычки, убеждения и «друг моего друга не всегда мой друг». Редко друзьями могут быть родители, дети, родственники, соседи, государство.

Персонализм – капризное мировоззрение и предполагает своеобразную сосредоточенность и ответственность, чтобы человек мог остановиться, опомниться, задуматься, перерошить прошлое и решить, кто ему был дорог и является таковым. Дружба всегда в прошлом. Сомневаться в дружбе так же естественно, как в любви, особенно если понимаешь дружбу как филию (φιλία). Каждый день мы видим множество чужих людей, к большинству из них у нас нет никакого чувства любви, но мы постоянно вспоминаем преимущественно только близких друзей. Сомневаться в исключительном значении друзей – неестественно. Друзья нам кажутся вечно близкими, теми, которых трудно заменить. Нельзя даже помыслить, каким может быть наш будущий друг, если посмотреть на окружающих людей. Среди них трудно найти друга с первого взгляда. Память и совместный опыт – важнейшее в дружбе.

Но и близкие друзья могут стать чужими, даже «хуже всех».

Кто в этом виноват? Как можно друга назвать недругом? Но если вскрылось какое-то обидное потаенное прошлое. Ворошить прошлое опасно. Говорят: «Не вороши! У тебя руки и глаза нехороши». Многим хочется покопаться в прошлом жадными руками, чтобы доказать всем, что не ты виноват.

Вороша мертвое прошлое, ничего не найдешь, вороша живое прошлое, только руки обожжешь. Но если не ворошить прошлое – ничего не поймешь.

Прошлое – жалкое ничто до тех пор, пока, оживая, не принуждает к ответственности, пробуждая бывшее, как мы его помним. Некоторые говорят, что если нет человека, то нет и времени. Возможно, звери, которые осенью запасают корм, перелетные птицы и бабочки, ежегодно пролетающие тысячи километров, – это тривиальная реакция на изменение погоды. Но моя собака, привыкшая, что в 9 вечера ее выгуливают, постоянно в это время требует прогулку. Собака не капризная и готова гулять в урочный час при любой погоде. Может быть, у нее есть часы в голове? Скорее всего, моя собака тоже живет по законам времени. Она помнит прошлое, ставшее регулярным, подходит ко мне и, подняв лапу, как бы говорит: «Ну, все, хозяин, пришло время, пора идти меня выгуливать». Впрочем, долговременная память не является отличительной особенностью человека. Белочка зарывает случайное богатство в земле и уже через пять секунд не помнит, куда спрятала, «заханырила свое будущее», орешки, груши или яблочки, но у нее есть долговременная память и она не может заблудиться, ведь помнит, где живет. Люди другие: они помнят все важное, если не вытеснили что-то по каким-то причинам из памяти. Человек не может создать сам свою картину мира, ему нужны помощники: время, память, опыт, размышления и общение, различные точки зрения. В этом смысле его нельзя упрекнуть в недостатках. Человек – это груз памяти о прошлом и крепче всего запоминает обиды: как обижали и как обижал. Человек – это груз памяти о мелкой подлости, которую трудно вытеснить из памяти. Почему человек дольше всего помнит обиды? Это естественное свойство разума? С точки зрения разума

важнее запоминать хорошее, чем плохое, тогда изумительная способность человека помнить сильнее плохое – это не безвредный рудимент, который бесполезен в защищенном мире, а бесполезный дарвинизм, который вредит, и его нужно устранить. Душевная потребность человека – почувствовать себя безгрешным, чтобы освободиться от груза подлости, которую человек помнит. В этом забвении прошлого помогают друзья, любимые, постоянная убежденность в том, что ты сам безгрешен.

Человек – это во многом животное существо, но кратковременной памятью трудно манипулировать. Сильная кратковременная память – это, возможно, одно из немногих фундаментальных отличий человека от животного, хотя большинство животных могут быть в эмоциональном смысле значимее человека, поэтому мы так любим своих собак, кошек, лошадей... Человека нужно дрессировать дольше, чем собаку. Чтобы сломать инерцию кратковременной памяти, человека приходится дольше «обрабатывать». Сформированные условные рефлексы все равно могут быть потом легко разрушены соответствующим тренингом (это будет не обучение, а, скорее, разрушение пирамиды памяти прошлого).

Память – это фундаментальное свойство человека. Мы не знаем, как оно формируется, как некоторые события даже без повторения, возможно, силой ассоциативных связей, остаются в памяти человека на десятилетия. Разделение на кратковременную память (от секунды до нескольких минут) и долговременную память (хранит информацию долго, потенциально – всю жизнь) не всегда помогает. Мы не знаем процессы и не можем описать, как информация перемещается из кратковременной памяти в долговременную, есть ли промежуточные виды памяти (они, возможно, и есть, по крайней мере, не как средняя память, а как процесс обработки и формирования и передачи памяти из простой настольной кубышки-копилки в сусеки или потаенные закрома). Эмоциональное состояние тоже влияет на память: когда мы в хорошем настроении, то хуже запоминаем. Человек – капризное существо.

Единственное, что мы не можем отрицать – это ценность памяти как таковой.

Истина – это память + размышления. Размышление – это разговор. Животное тоже всегда сомневается в истине: протянешь руку с угощением, собака будет ждать, принюхиваться, попытается понять – приманка дается или угощение. Но животное не будет обсуждать истину с другими (если не называть лай собак в деревне вечером, «собачью брехню», обсуждением истины). Человек в принципе сомневается во всякой истине.

Вот, вот... мы пришли к разговору об истине.

Подобно экзистенциализму и феноменологии, персонализм говорит с каждым вопрошающим как родной, как близкий, поэтому у персонализма такой специфический мягкий, простой, ненавязчивый язык. Персонализм ближе религии и во многом чужд, далек классической философии. Персонализм – это верование, которое принято каждым по праву рождения, как доверие в детстве отцу и матери. Наверное, поэтому персонализм как привычное, понятное и простое мировосприятие оказался в таком пренебрежении другими верованиями и убеждениями, с которыми он, впрочем, не конкурирует и которым не противоречит. О многих философах можно сказать, что они были когда-то в каком-то смысле персоналистами. Для персонализма это ничего не значит, для читателей указывает ориентиры.

Современная философия – это не классическая «любовь-мудрость», *Philo Sophia*. Новое время породило новые отношения. Современная философия – это право распоряжаться определенной мудростью как личной собственностью размышляющего, которая иногда становится общественным достоянием и служит определенным целям. Мудрость необъяснима и неопишуема, она кружится вокруг истины, как пчелка вокруг цветка, как мотылек вокруг огня.

Общение между людьми построено преимущественно на спорных заключениях в процессе поиска мелкой истины. Человек ищет истину где только может: правильно ли подобран галстук (не только в смысле правильно-неправильно в данном конкретном случае, а

как на примере галстука, рубашки и костюма понять истину, как правильно сочетать), правильно ли приготовлено блюдо, правильных ли друзей нашел сын или дочь...

Человек редко думает о высокой истине. Поэтому так сложно понять того, кто постоянно думает о ней.

Мы иногда задумываемся о том, правильно ли исторически сформировалось наше государство, верны ли наши представления о Вселенной. Поиск мелких истин нам важнее каждый день, чем поиск крупной истины, которую искать утомительно, да и в ней все равно будешь сомневаться потом опять и опять каждый день. Человек устал и настолько болен поиском высокой, низкой, средней, мелкой истины, что готов называть истиной все что угодно. Мелкие истины в совокупности важнее крупных, первые заполняют обычно весь наш день. Мы не думаем каждый день о крупных истинах, например, сколько мне платят – больше или меньше, чем должны, друг это мой или недруг, верна ли мне моя жена, мои ли это дети, что сделала для меня моя великая страна, чтобы так требовать и так тяжело наседать на меня, зачем мне это все, если это для меня ничто! Веры нет и не будет, пока идут судорожные и беспорядочные поиски мелких истин: покупать фрукты в этом магазине или только мясо, в этот садик или школу отдать ребенка или в другой, по этой улице ехать, чтобы не сломаться на колдобине или попасть в пробку, или по другой.

Легко принести ребенку калейдоскоп, чтобы он наслаждался, видя необыкновенные узоры, трудно дать телескоп с диаметром зеркала 6,5 метра. Поскольку в первом случае мы делимся веселыми наблюдениями, развлекаемся, улаждаемся, а в другом – пытаемся передать истину, чтобы близкий человек посмотрел и согласился, принял, поверил.

Вот, вот... Если зашел разговор об истине, нужно порассуждать о вере. Истины без веры не бывает, поскольку рано или поздно на какое-то время мы должны поверить во что-то, чтобы прекратить искать истину в определенном направлении (например, согласиться с мнением большинства, что к этому костюму и рубашке идет только этот галстук; что в нашей стране лучше президентская, а не парламентская республика; что видишь в бинокль не одну звездочку, а двойную звезду, которую можно заметить только с помощью телескопа с диаметром зеркала 6,5 метра. После этого поиск истины прекращается, пока не возникнут новые обстоятельства: купили новую рубашку, поменялся лидер государства, мы постарели или получили доступ к новому телескопу.

Мы доверяем друзьям, пока нас не предали, нам легче искать истину с друзьями и охотнее всего мы делимся с ними. Это не значит, что друзья всегда и во всем нас понимают лучше других.

В персонализме все истины субъективны, только конфликты более-менее объективны.

Вот, вот... Если говорим о вере, нужно раскрыть настоящую истину об обмане.

Нет обмана без самообмана. Если не научишься и не привыкнешь обманывать сам себя, никто не обманет. Если не научился искать истину в согласии с самим собой, с другими тоже не найдешь.

Впрочем, можно сказать и противоположное: самообман – это не обман, а этап поиска истины. В самообмане нет веры, обмана, но истины тоже нет, только мелкое кратковременное наслаждение. Самообман – это защита от обмана в надежде, что лучше самому себя обмануть, чем позволить себя обмануть.

Персонализм – это бесконечный разговор об истине, когда вежливо и брезгливо сторонись обмана, понимая, что все равно рано или поздно споткнешься и обгадишься в поисках истины, пытаясь найти ее вместе с другими. Концепция персонализма противоречива и не позволяет найти истину, тем более если ищешь один, поскольку истина должна быть твоя, но не может быть или не быть общей, а только одновременно общей и твоей. Это противоречие невозможно снять в персонализме никаким образом, поэтому истина всегда останется водоразделом между «Я» и «мы».

В поиске истины важна не сама находка, которой, скорее всего, нет, а передача видения истины от одного человека к другому: Сократ – Платон, Спиноза – Декарт, Кант – Гегель, Гуссерль – Хайдеггер, как это постоянно происходит в мире в поисках мелких истин: от отца к сыну, от старшего брата младшему, от опытной сестры или подруги к неопытной.

Истина – это умение понять другого, разговаривая об одном и том же. Другими словами, умение разговаривать с другим об одном и том же.

Истина – не цель, это одновременно лекарство от болезни и сама болезнь. Эта уравниловка очень важна. Каждый раз истиной нужно переболеть, как гриппом, и не пытаться поскорее вылечиться. Истина живет рядом с нами, она всегда возле человека, как вирусы, как птицы и звери, ее трудно поймать голыми руками. В горной реке медведь ловит рыбу, плывущую на нерест, лапой, человеку трудно поймать рыбу в воде рукой. Поэтому он придумал удочки, рыбные сети, приманки, чтобы ловить рыбу лучше, чем медведь. Удочка – не лапа, это инструмент, как рычаг, который помогает поднять неподъемные тяжести, как колесо, помогающее перемещать объекты, которые без него не передвинешь. Инструментальность мышления помогла человеку вырваться из природы и позволила создать свой собственный человеческий мир. Это другой мир, не природный, где человек добыл право распоряжаться сущим, в этом можно полностью согласиться с Хайдеггером. Однако человек по-прежнему живет в природном мире, в котором его могут съесть, уничтожить, унижить и разрушить его внутренний мир таким образом, что ничего святого, дорого и любимого не останется. Мир человека сложнее мира животного, поэтому люди легко готовы опуститься в мир «простых истин» и устоявшихся рутинных ритуальных отношений. Каждый из нас испытывал «стадный зов бежать, как все».

Таким образом, мы представили персонализм, не являющийся бабочкой, лекарством, мудростью. Мудрый человек, который так или иначе близок к истине и говорит о ней, может быть похож, например, на бабочку или мотылька. Но бабочка, мотылек и мудрец все же не могут стать эмблемой и тем более эмбрионом персонализма.

Персонализм – это капризная абсолютная убежденность в том, что ты есть. В отличие от других убеждений, это не нужно доказывать. (Спасибо индивидуализму). Сознание, бытие, существование не могут строиться на свидетельствах и доказательствах, хотя иначе их не так просто определить. Персонализм – это единственная привилегия человека, которому ничего не нужно доказывать, несмотря на то, что человек именно этим всю жизнь занимается. (Прости, Гуссерль, спасибо, Фрейд). Персонализм – это презумпция невиновности человека. Я есть. И ничего не нужно доказывать. Это плохо. Поскольку доказывать все-таки придется. Это отличается от “*Cogito ergo sum*” Декарта. Человек ищет, и если не нашел, обнаружит то или иное доказательство своего привилегированного положения, чтобы не думать, но распоряжаться сущим. Это такая душевная болезнь человека. Нельзя сказать – плохая или хорошая, по-разному бывает. Чтобы не думать каждый раз, нужно научиться передавать знания. Это создает проблему для человека: тот, кто приобретает знания, кардинально отличается от того, кто передает. Поэтому знания передаются всем, но принимаются и усваиваются не каждым.

Приобретение знаний и передача знаний – это разные вещи. Животное нацелено на получение, но не на передачу знаний. Человек «заточен» на передачу. Даже если человек не работает учителем в школе, профессором в университете, он все равно старается так или иначе передать свои знания, свой опыт близким: надоедает советами детям, жене-мужу, друзьям-подругам, сотрудникам, соседу в поезде... Человек постоянно пытается формализовать свой опыт таким образом, чтобы его можно было передать другим. Но чтобы передать опыт, необходим тот, кто готов выслушать, прочитать и принять – музыку, стихи, нравоучения, исповедь, советы, пожелания... Формализовать опыт, чтобы он был понятен другим, – чрезвычайно сложное занятие. В русской культуре князь Курбский в переписке с Иваном Гроз-

ным и протопоп Аввакум – это, наверное, самые выдающиеся советники, понять которых очень трудно, поскольку они использовали свой личный язык, непонятный большинству. Помимо желания нравоучения, у человека есть еще одна особенность, которая роднит нас с животными.

Культура помогает нам передавать знания. Но Курбский и Аввакум смогли передать знания вне культуры, и тут работает второй уровень культуры, перевод, когда можно «перевести на современный язык» то, что писали знаменитые предки.

Это очень важная роль культуры. Пройдет 500 лет – и все равно рано или поздно поймут, что ты говорил. Люди писали свои письма, дневники свободно, хотя мы должны и в наше время понимать, представлять их чувства.

Переводчик – это червь, который использует тебя, когда ты умер.

Самое главное для человека, чтобы его никто не трогал. Это такое животное чувство в нас. Затаиться. Оказывается, что добиться, чтобы тебя никто не трогал (на животном языке – не угрожал съесть) – самое сложное. Но труднее достичь, чтобы не трогали так, как ты не хочешь. Мир все же устроен таким образом, что легко избежать одного способа, но невозможно игнорировать все возможные методы. Значит, надо смириться, что другие люди тебя трогать будут. И это самое интимное и интересное в жизни. Персонализм размышляет о том, как, почему и зачем мы вынуждены сталкиваться с другими людьми, можно ли жить без этого и что нам дает прикосновение других?

В книгу включены две работы, написанные в разное время, в которых автор размышляет, как примирить человека с самим собой, поскольку сделать это можно только посредством других, не всегда приятных людей. Как их принять, оставаясь самим собой, даже не зная, кто ты сам?

Персонализм XX века

Персонализм был преимущественно религиозным и социалистическим. Даже примитивного агностического персонализма не существовало.

Персонализм не был какой-то философской доктриной, направлением в философии. Он являлся калейдоскопом личностей при всем уважении к тому, что сделали многочисленные школы персонализма попутно с классиками персонализма.

Николай Бердяев, русский философ, один из творцов русского религиозного возрождения, прожил вторую половину жизни во Франции и был самым ярким персоналистом, хотя его и причисляют к экзистенциалистам. Работа Бердяева «Смысл творчества», изданная в 1916 году, не оказала большого влияния на культуру, но подействовала на самого Бердяева, который остался приверженцем открытой им истины о значении творчества. Николай Александрович говорил о творческом начале в человеке так восторженно и увлеченно, словно стоял на цыпочках. В этом он был скорее экзистенциалист, который вслушивается в свои страхи и заботу. Персоналист не стоит на цыпочках. Естественно, Бердяев всегда говорил об истине: «Цель философского познания совсем не заключается в познании бытия, в отражении в познающем действительности, — цель — в познании истины, в нахождении смысла, в осмысливании действительности»; «Где же искать критерий истины? Слишком часто ищут этот критерий в том, что ниже истины, ищут в объективированном мире с его общеобязательностью, ищут критерий для духа в материальном мире»; «У Фихте индивидуальное “я” лишь часть великого целого. Личность исчезает в созерцании цели. “Я”, с которого Фихте начинает свой путь философствования, не есть индивидуальное “я”. Для него индивидуальный человек — инструмент разума. В этом Фихте отличается от Канта, единственного из великих идеалистов в германской философии, который был близок к персонализму. Гегель — самый крайний антиперсоналист. Думать для него значило привести в форму универсального... Также антиперсоналистом, хотя и по-другому, был Шопенгауэр. Немецкий идеализм пожертвовал душой для абсолютного духа. Философия абсолютного духа началась с провозглашения автономии человеческого разума. Она кончилась отрицанием человеческой личности, подчинением ее коллективным общностям, объективированным универсалиям» (*Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 186, 188*).

Эммануэль Мунье, французский персоналист, социалист, католик, издавал с 1932 года журнал *Esprit*, вокруг которого объединились единомышленники, в 1936 году опубликовал классический труд «Манифест персонализма». Мунье придал персонализму публичность, узнаваемость. С подачи Мунье персонализм раскрасился, как пасхальные яички, как рождественские лампочки и гирлянды. Все, кто интересуется персонализмом, в первую очередь должны прочесть манифест Мунье, в котором он общается с молодежью как близкий и равный. «Мы называем персоналистским всякое учение, всякую цивилизацию, утверждающие примат человеческой личности над материальной необходимостью и коллективными механизмами, которые служат опорой в ее развитии»; «...для нас персонализм — это только общезначимый пароль, суммарное обозначение, подходящее для различных учений, которые, однако, в той исторической ситуации, в которой мы находимся, могут приводить к согласию относительно лишь элементарных физических и метафизических условий (возникновения) новой цивилизации. Таким образом, персонализм не заявляет об утверждении новой школы, открытии еще одной часовни, изобретении новой замкнутой системы. Он свидетельствует об общем волеизъявлении и, не касаясь имеющегося здесь разнообразия, ставит себя ему на службу, чтобы вести поиск средств, дающих возможность эффективно воздействовать на историю. Следовательно, мы должны бы употреблять множественное число, говорить о различных формах персонализма... Наша ближайшая цель состоит

в том, чтобы... определить совокупность первичных принципов согласия, которые могут стать основанием цивилизации, посвящающей себя человеческой личности. Эти принципы согласия должны в достаточной мере опираться на истину, чтобы...» (*Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. С. 269*).

Бердяев, Мунье, другие философы социалистического или христианского персонализма восклицали лозунги, утверждая, что человек богоравен, социален и только так нужно относиться к человеку и строить цивилизацию вокруг него, а не вокруг наживы, неравенства, денег, войн, торжества насилия над единичной личностью, как раньше до этого тысячелетия развивалась цивилизация. Можно возразить, что Человек богоравен не тогда, когда слаб и вопрошает «Боже, зачем ты оставил меня!», а когда силен (а человек силен всегда, как видно уже десять тысяч лет). Это считается ересью с точки зрения других мировых религий, но позволило христианству породнить человека с богом в русле древнегреческой традиции, Прометей вылепил человека из глины, Геракл после десяти подвигов стал бессмертным и равным богам человеком.

Папу Иоанна Павла II также можно смело назвать одним из великих персоналистов XX века. Он говорил: «Считают, что молитва – это *беседа*. В беседе всегда есть “я” и “ты”; в данном случае “Ты” пишется с большой буквы. Первоначальный опыт молитвы учит, что “я” здесь преобладает. Потом мы убеждаемся, что на самом деле всё иначе. *Преобладает “Ты”, в котором берёт начало наша молитва*».

Сказано абсолютно персоналистично.

Отдельно стоит Берtrand Рассел, математик, позитивист, агностик! Его мысли близки агностическому персонализму, но он жил в другую эпоху между двумя мировыми войнами, был социалистом, математиком, атеистом, хотя и называл себя агностиком. Вот что он говорил:

«– Кто такой агностик?»

– Агностик считает невозможным познать истину в вопросах существования Бога или вечной жизни, с которыми связано христианство и прочие религии. Или, если это и не невозможно вообще, то, по крайней мере, не представляется возможным в настоящее время»¹.

С этим согласится персоналист, хотя и поправит, что вместо слов «считает невозможным» лучше говорить «не считает возможным»... Вера должна корениться в убеждениях. Однако при равных убеждениях вера может быть разная.

С чем не согласится персоналист, так это с Расселом, который говорит об агностике и называет его «он»: «Что касается греха, *он* (т. е. агностик) считает это понятие (греха) бесполезным. *Он, агностик*, разумеется, допускает, что какое-то поведение может быть желательным, а какое-то нет, но *он* считает, что наказание за нежелательное поведение может быть лишь средством исправления или сдерживания; оно не должно налагаться лишь постольку, поскольку зло, само собой разумеется, должно страдать. Именно эта вера в карательные меры и привела к возникновению ада. Понятие греха принесло много вреда, в том числе и это».

Понятие греха можно использовать во вред человеку: манипулировать человеком, используя греховность и все, что связано с этим: поведение, убеждения, культуру, пищу, одежду... (Проще, конечно, манипулировать чем-то искусственно возвышенным, что так или иначе выросло в человеке).

Достоинство христианства в том, что за две тысячи лет понятие греховности стало внутренним неискоренимым убеждением христианина, а не повиновением внешним требованиям. Это, возможно, единственная мировая религия, которая не требует, чтобы верующий хоть чем-то отличался внешне от неверующего. Данное неформальное требование, которые

¹ Рассел Б. История западной философии. СПб.: Академический Проект, 2009.

было принято всеми, сформировало огромные преимущества убеждениям, поскольку никакая иная религия даже близко не подошла к решению основных вопросов, которые беспокоят верующих. Конечно, служитель культа всегда отличался внешне от прихожанина, но верующий от неверующего в обыденной жизни не должен отличаться, иначе... Мы знаем, что может произойти.

Многие приняли новое верование и готовы были, скорее, жить рядом с христианами, чем в другом мире. Понятие греха – это краеугольный камень в развитии мира. Если бы не было этого краеугольного камня – понятия и осознания греха, постоянного размышления и оценки – мир был бы сейчас другим. Понятие греховности – ключевой момент в христианской цивилизации, об этом думали миллиарды людей последние 2000 лет. Мы можем только воскликнуть «Браво!!!» тем, кто не забывал о греховности и не стесывал это понятие до раз-мера зубочистки или палочек для еды.

В работе «Счастье и грех» (*Игорь Сохань. Счастье и грех. СПб.: Алетейя, 2014*) автор сравнивал путь жизни человека, который считает себя греховным относительно своих координат греховности, с жизненной дорогой тех, кому нравится считать себя безгрешными. Понимание греха важно для человека. Если не копать каждый день в своих грехах, а жить как лунатик, не на этой Земле, а на вымышленной, никому-больше-ненужной, нет и не может быть никакой связи человека с человеком. Только подспудное понимание нами нашей греховности позволяет нам хоть как-то общаться друг с другом и относиться один к другому как человек к человеку. Только грех и понятное всем значение греха – общее между нами. Любить можно свою собаку или лошадь, и в этом нет ничего общего. Любовь к ближним, как она нашла выражение в XX веке, социальность, «социалистичность» создали «поколение безгрешных» (см. «Счастье и грех»), когда человек при всей своей естественной природе *Достоевского* попытался показать всем, что может жить как романтик Новалис, как «грустный добрый Байрон», как будто возможно невозможное и мы все, понимая категорический императив Канта, имеем мужество постоянно всю жизнь придерживаться, воздерживаться от плохого и нехорошего, о чем писали Фрейд, Ницше и даже не только Достоевский, а также гуманист Лев Николаевич Толстой в повестях «Крейцера соната» и «Смерть Ивана Ильича».

Человек грешит постоянно, что бы он ни делал: даже если не курит, не пьет и не увлекается плотскими радостями, он все равно грешит, живя согласно своей природе, и изменить это не может. Все, что человек может, – это закрыть глаза и придумать, как нужно успокаивать себя, твердя «Я хороший, я хороший, я хороший».

Поскольку персонализм не стал канонической философией, мы вправе говорить о нем неформально, как о том, что рождается.

Цель данной работы – возродить интерес к персонализму.

Соответственно нашему времени, мы будем говорить о персонализме без привязки к каким-то конфессиональным или политическим пристрастиям, то есть будем обсуждать агностический персонализм. В этом есть своя правда, поскольку ребенок начинает познавать мир еще в чреве матери, когда у него нет определенных религиозных и политических предпочтений, хотя он уже личность, возможно, на пятом месяце эмбрионального развития слышит звуки, запоминает их, работает руками и ногами и порой чувствительно досаждают матери.

Персонализм – это вопросы, которые мы задаем о самих себе, и наши ответы себе.

«Чем человек отличается от других?»

«Что в нем хорошего?»

«Что человеку нужно?»

Почему, например, относительно пингвинов (социальные птицы водоплавающие, но не летающие) нельзя сказать, что они персоналисты, почему волки не персоналисты, хотя

живут стаями, почему, наконец, обезьяны не персоналисты, хотя очень социальные? Персонализм соткан из недостатков, которые порой не осознаешь. И эти недостатки, кощунственные для многих, как раз и формируют «настоящий персонализм», то, что в тебе больше всего тебе нравится.

Столько недостатков, сколько накопилось внутри «человека», нет ни в каком ином существе и природе в целом. У человека плохой нюх, плохое зрение, плохой слух, он медленно бежит, его нужно учить плавать, он не видит в темноте, у него нет подшерстка, и он зябнет или потеет при малейшем колебании температуры. По всем основным природным параметрам любой взрослый медведь более развит, чем любой человек. Это не главные недостатки человека, которыми он отличается от другого. Человек – существо социальное, и столько зла, сколько может причинить другим человек, никакое иное существо не способно сделать. Даже медведь, учитывая все его природные достоинства. Культура как раз направлена на то, чтобы предложить тот или иной вариант объяснения, почему человек не пингвин и не медведь, и сгладить природные недостатки человека. Философия, выдуманная человеком, объясняет так или иначе, почему мы не смогли по природе своей познать истину, чтобы следовать ей, как природа в каждом организме следует природной истине. Персонализм – это философия человека, который ни с кем не спорит, даже с самим собой. Только думает об этом, о самом себе, разговаривает с самим собой, понимая, что никому объяснить ничего не сможет, а посредством насилия как «самого верного способа доказательства» не убедит никого, поскольку никто в мире не может добиться того, что хочет. Достигая того, что хотел, разочаровываешься... Удовлетворившись, «начинаешь продолжать хотеть».

Говорят, истина рождается в спорах. Если отталкиваться от «споров», то споры порождают споры. Истина рождается в другой среде. В какой? Никто не скажет. Предположим: размышления в тишине текущего времени, беседа с друзьями.

Необходимы столетия, возможность израсходовать поколения, чтобы принять очевидные истины, которые потом вдруг время смывает, как дождь или морской прибой детские рисунки на песке.

Мысль – это самое вечное и самое недолговечное в мире.

На базарной площади простой человек всегда будет изрекать то, с чем будут согласны миллионы.

Не знаю, думает моя собака или нет, но говорить нам не о чем, хотя я ее люблю, мы все время рядом. Она приспособилась ко мне, я привык к ней. Но я не чувствую духовной близости с моей собакой, подобной духовной близости с друзьями юности, с которыми до сих пор продолжаю разговаривать в душе, спорить, как много лет назад. Я не беседую с моей собакой так, как с другом.

Как определить понимание? Когда можно сказать: что-то понято? А без этого человек не может существовать, поскольку он существо в первую очередь понимающее, а затем уже познающее: верующее, жрущее, насилующее, отдающееся, воруемое, осуждающее... Можно ли как-то завершить понимание чем-то, чтобы получить какую-то вещественную истину? Или понимание – это ничто, а важно познание – вещественный процесс, опыт, копание, конструирование, и ничего идеального нет, и в силу структуры бытия ничего законченного не может быть, поэтому и истину обрести невозможно, чтобы владея, спешившись, познав истину, слившись с чем-то и став вещью, успокоиться. Никто в мире не понимает меня и не знает мои привычки лучше, чем моя собака, если иметь в виду рутинные вещи.

Говоря о познании, истине, человеке познающем, мы должны разделять три модуса. Первый, когда человек вовлечен в процесс познания естественным образом. Если хочешь что-то познать, необходимо познавать то, что хочешь, целенаправленно. Без направленности, интенциональности, не будет понимания. Если желаешь познать что-то, нужно ковыряться в нем, а не думать о другом. Это первичная простота понимания. Нужно представить то,

что желаешь познать, как картину, которую разглядываешь и изучаешь. Можно возразить, что само желание понять и тем более способы, которые могут быть использованы, могут повлиять на понимание и, соответственно, истину нужно принимать с оговорками.

Второй модус – когда любой опыт равен познанию и мы познаем что-то без всякого намерения познавать, как во сне. Это баловство ума, который занимается чем-то, когда нечего делать и вспоминать познанное стыдно. Это бесполезный, скучающий, случайный опыт. Видимо, именно это оседает в памяти.

Третий – когда мы познаем что-то как приключение, чтобы потом могли это вспомнить, передать воспоминание другим, когда мы добавляем новое, как пристройку к дому уже познанного. Тогда начинает работать вторичная работа ума, связывающая новое с прежним и понятным для других. Так сознание возвращается в первый модус, только интенциональность уже не личная, субъективная, а объективная, общая.

Но есть и четвертый модус, потаенный.

Он далек от поиска истины – это скрытый мир порожденных обид, которые возникают от накопления сомнений, как описывает экзистенциализм человека в этой естественной правдивой обособленности, пока тот не нашел свои временные абсолютные связи.

Сомнения – это страшный крест человека, преодолеть который он не может. Апостолы сомневались, Христос сомневался. Моя собака тоже иногда сомневается, но она всегда уверена в главном. Если я залез рукой в кулек, в котором хранятся лакомства, она знает, что я сделал, видит и ищет их в моей руке, хотя знает, что я не такой благородный и честный человек и могу запросто в своих целях обмануть ее, несчастную. Собака мне не верит во всем, но не сомневается, что я не могу обмануть в самом главном. Для нее самом главном. Я стараюсь не обманывать. Но могу.

Человек живет бытовой заурядной жизнью, никуда не взлетает, не падает, а создает свою картину мира и копается в ней. Именно так его представляет персонализм, для которого человек – это червь, копающийся в том, в чем копается червь. Можно ли осудить в чем-то червя? Если нет, тогда человек свободен, если подобен.

Осуждать можно кого угодно. Это как сосать леденец на палочке. Обратная сторона осуждения – восхищение и признание одной стороной чего-либо, достойного восхищения. Червь – это бог. Если не я, червь, бог, то кто? Рождаются сомнения. Нельзя боготворить великое, единичное, боготворят мелкое, многообразное и случайное. Иначе не было бы столько религий.

В персонализме мы различаем человека познающего от человека живущего. Мы познаем мир, даже если никогда не учились в школе или еще не родились. Познание может быть интенциональным или неинтенциональным. Например, если ученик сидит в классе и слушает, что говорит учитель, но думает о соседке, он познает что-то интенционально, что-то неинтенционально, поскольку едва ли способен испытывать две интенции: познать соседку и выслушать учительницу одновременно. Когда профессор спит дома в своей кровати, он тоже что-то познает неинтенционально, и Фрейд на основе анализа сновидений мог делать заключения о сознательной жизни, которые в большей части оправдывались, поэтому психоанализ стал наукой, а не чудесной забавой с гаданием на кофейной гуще.

Относительно истины необходимо признать, что, кроме тех, кто пишет об истине, кто читает, кто говорит и кто слушает, других интересантов в истине нет. Истина бесполезна сама по себе. Абсолютная истина доступна только тем, кто имеет власть порождать ее. Условий, чтобы создавать абсолютную истину и распространять ее, человечество знает множество.

Любая крупная система на закате развития порождает абсолютную истину. «Хлеба и зрелищ», «Свобода – Равенство – Братство», «Умрем, но не сдадимся», «Земля – твое, мой мальчик, достоянье. И более того, ты – человек!», «Кто был ничем тот станет всем». Мы пом-

ним истины, которые были рождены самыми крупными умирающими системами, поскольку от них легче отмахнуться, чем с ними согласиться или спорить. Если бы самых твердых истин различных цивилизаций не существовало, говорить было бы не о чем. Никто не захочет спорить о великом значении египетских или мексиканских пирамид. Все восхищаются. Истина в чем? В том, как это сделали? Зачем?

На самом деле относительно истины у нас нет и не может быть никаких значительных разногласий. Если нас так легко могут обмануть с абсолютной истиной, как домашнюю собаку с лакомством, каждый может увлечься всем, чем хочет.

Влечение убивает, отправляет в противоположную сторону от истины или добавляет что-то самое важное? Можно ли искать истину и насколько важен момент влечения? Может, истина – это итог размышлений? И можно ли размышлять без желания найти что-то в процессе размышления? Размышления интенциональны, духовная жизнь нет.

Что такое истина? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо установить, кто кого спрашивает? Понтий Пилат Христа или наоборот? Спросите человека в различных обстоятельствах, он выдаст нескончаемое множество ответов. В беседе близких людей – это вопрос риторический, поскольку невозможно однозначно ответить. Истина живет в различных клубах. В истине нет точности. В ней необходимо сомневаться. Это как рассуждать о том, свежая осетрина или нет, пока не попробуешь или не почувствуешь обман. Если дух плохой, никто и пробовать осетрину не станет. А если запах нормальный? Любую осетрину по запаху можно сделать соответствующей нормальной свежести. Если можно обмануть нормального человека с нормальным чувством вкуса в ситуации с тухлой осетриной, неужели трудно запутать относительно истины?

Истина – это такой замечательный роскошный цветок, который должен рождаться каждый день на радость многим, хотя срывает цветок кто-то один и дарит любимой.

В самой депрессивной ситуации необходимо признать, что истина – это базарный продукт. Кто только ним не торгует! К истине тянутся все, и торгуют истиной, как цветочницы цветами.

Кто имеет право на истину? Государство? Наука? История? Государство объединенных наций, государство объединенных истин, государство объединенных желаний... Кто получил право торговать истиной, как свежими цветами на базаре?

Если ссылаться на безусловное основание истины, тогда ответ приобретает религиозное значение.

Проблема истины в том, что она не зависит от того, кто и как ее выбирает. Это базовое положение персонализма вне зависимости от того, какой сущностью прикрывается ищущий.

Что есть истина? Это другой вопрос. Истина есть, и необходимо договориться, что она есть, поскольку истиной можно назвать все что угодно. Но есть ли истина? Библейский, евангельский вопрос!

Если истина есть – с ней все понятно. Но если ее нет, что тогда? Чем ее заменить?

Если можно преподавать в средней школе теорию относительности, почему нельзя говорить, что истина относительна? Возможно, нужно преподавать ее как отдельный предмет в школе, обсуждать?

Истина может быть понята как полное и абсолютное соответствие наших представлений о некоторой вещи сущности этой вещи, которую мы не знаем, но дальнейшая история познания показывает, что мы были правы и видели ее именно такой, какая она есть, и поэтому у нас не было и не будет ошибок и неуверенности относительно распоряжения этой вещью. Предполагается некоторая интенциональность: мы смотрим не на все, что вокруг нас, а избирательно направляем взгляд и строим рассуждения, конкретно привязываясь к отдельной вещи, понять которую желаем.

Такая истина, очевидно, быстро потеряется в хламе вещей. Это уже, скорее, некоторая «хайдеггеровщина» – когда важно открыть и научиться распоряжаться, чем понимать.

Истина – настолько болезненный инфицированный инфекционный продукт, что поиск истины при любых обстоятельствах не может дать одно решение. Любая истина не видна сразу, ее нужно очищать, вымывать, оправдывать, согласовывать с тем, что не истинно. Даже стыдно описывать все процедуры, которые используют для определения истины.

Искать истину трудно, но она сама формирует вопрос: зачем ее искать? Что получишь, если найдешь истину? К тому же неизвестно еще, можно ли найти ее в том виде, в каком ищешь?

Истина свела с ума философию. Сократ видел истину не так, как Спиноза или Декарт. Сократ шел на смерть и с удовольствием щелкал истину как семечки.

Зачем нам нужна эта приземленная истина, которую мы только и можем понять? Человек живет 60–80 лет и большую часть времени тратит на поддержание жизни и воспроизводство, если исключить потребность в сексуальных фантазиях, которыми большую часть времени озабочен мозг. Каждому истина нужна только в течение 2–3 % отрезка жизни, а если говорить честно, то 0,02–0,03 %. Да и какая это истина? С одной стороны, она нужна, чтобы общаться с другими, накапливать и передавать опыт. Поэтому до Коперника всех вполне устраивала геоцентрическая картина мира. Очевидный факт, что солнце вращается вокруг Земли, никого не смущал, поскольку никому не мешал, никто не искал вторую точку зрения.

Для человека истина – это то, что усвоено и соответствует его знаниям, не противоречит общей картине мира, которую он сформировал именно так. Если возникают несоответствия с общей картиной мира, тогда новые данные относятся к области загадочного и необъяснимого: существует ли снежный человек, была ли и где находилась Атлантида, есть ли внеземной разум и почему он нас презирает и не общается с нами, полезны куриные яйца мужчине в зрелом возрасте или вредны...

Истина в персонализме – это то, что не противоречит личной картине мира, что принимается как понятное всем.

Однако мы знаем, что истина часто взрывает наши представления о мире. Например, гелиоцентрическая картина мира по Копернику. Ведь и до него многие наблюдатели и мыслители замечали, что не солнце, а Земля движется вокруг солнца, но не могли сделать выводы, и бесполезная истина не могла родиться и радовать. Во времена Коперника стало возможно резюмировать, исходя из того, что Земля движется вокруг Солнца. Это стало событием, потом легко было додуматься, что и другие планеты и крупные, и мелкие небесные тела вращаются вокруг Солнца. Но сенсации не было. То, что Плутон тоже вращается вокруг солнца, не повлияло на картину мира обывателя. Истина относительно Плутона оказалась никому не важной даже в современное время, когда открыли Плутон и опубликовали картины его поверхности. В этом относительность истины. Своеобразная Великая Теория всеобщей безотносительности относительности пока бесполезных Истин. Истина становится истиной, когда она кому-нибудь нужна, когда используются справедливые заключения, которые можно сделать, приняв «текущую» истину.

В эту западню легко попасть, если разграничивать абсолютную и относительную истину. Тот, кто устанавливает разграничения, манипулирует истинами, отбрасывая одни как относительные, утверждая другие как абсолютные.

Это довольно странно слышать, если мы говорим об истине. Абсолютной истиной в абсолютном определении невозможно манипулировать.

Но кому под силу определить манипулятора истиной? Это весьма сложный и дорогостоящий процесс. Манипулирование истиной стоит обычно больше, чем бюджет государства, которое решило этим заниматься. Государства распадаются и умирают, когда берут на себя смелость и обязанность формулировать истину.

В данной работе понятие о «текущей истине» так же значимо, как понятие об абсолютной истине.

Текущая истина зависит от картины мира, в которой она временно становится абсолютной. Картина мира и истина персональны.

Абсолютная истина – это сложное понятие. Она как перезрелый плод, который очень скоро станет несъедобным, и тогда им можно будет только удобрять землю. Как долго абсолютная истина может оставаться абсолютной?

Абсолютность – это категорический императив Канта, это законы Ньютона, это все абсолютные и нерушимые законы, которые определяют и руководят нашей повседневной жизнью, подобные трем законам Ньютона, а также принцип относительности.

Человеческая истина не может быть абсолютной, как вода не в силах стоять на месте, иначе через некоторое время это уже будет не вода, а болото.

В персонализме истина – это то, что соответствует общей картине мира, а если какой-то факт отличается, его легко заключить в скобки как «не имеющий значения факт», который хранится в базе данных этой картины мира, но не включен в нее.

Сказать, что такое истина, так же трудно, как определить, что такое личность. В персонализме истина – это и есть личность. Ведь истина – не конкретный факт, а мир представлений, связанных с данной личностью. С другой стороны, личность – это тоже мир представлений или, говоря обобщенно, носитель истины. Личность – это то, в чем живет истина, поскольку она должна в чем-то жить, чтобы иметь хоть какое-то право именоваться истиной.

Человеческая истина в индивидуальном выражении может быть не всем понятна и далека от логики, философии, законов построения языка.

Персонализм существенно отличается от стандартной философии главным образом в вопросе истины, который формирует каждую конкретную философию.

Рассел говорит, что «...действительно, математическое знание не выводится из опыта путем индукции; основание, по которому мы верим, что $2 + 2 = 4$, не в том, что мы так часто посредством наблюдения находим на опыте, что одна пара вместе с другой парой дает четверку. В этом смысле математическое знание все еще не эмпирическое. Но это и не априорное знание о мире. Это на самом деле просто словесное знание. “3” означает “ $2 + 1$ ”, а “4” означает “ $3 + 1$ ”. Отсюда следует (хотя доказательство и длинное), что “4” означает то же, что “ $2 + 2$ ”. Таким образом, математическое знание перестало быть таинственным. Оно имеет такую же природу, как и “великая истина”, что в ярде 3 фута...»

Это абстрактная математика Рассела. Попытки арифметизировать реальность в целях познания относительной истины свойственны не всем. Фут – размер стандартной ступни. Сложив три фута, получим ярд, что разрушает всю логику рассуждений. Фут был важен, когда человек стрелял из лука и нужно было как-то измерять дистанцию. В гольф играют, измеряя дистанцию тремя футами – ярдами; запуская космический корабль, никто не меряет расстояния футами, ярдами. Даже арифметика относительна. Например, я встречаюсь с Аней и Катей и с каждой из них у меня образована пара, но если нас соединить, то, очевидно, что я с Катей плюс я с Аней не равняется четырем. Две пары в сумме дали три: я, Катя и Аня. Это чрезвычайно распространено в мире: я+теща и ты+твоя мама не равно 4, хотя это и две пары, которые складываются определенным образом. Лиса ест зайчика, и ворона подбедает остатки этого же зайчика – это не две пары, которые при плюсовании дают четыре.

Так, в повести «Смерть Ивана Ильича» Л. Толстого у главного героя ни с кем арифметически ничего уже и складываться не хочется, и арифметика жизни нарушается хуже, чем у Ф. Достоевского. 2×2 не равно 4. «В середине разговора Федор Петрович взглянул на Ивана Ильича и замолк. Другие взглянули и замолкли. Иван Ильич смотрел блестящими глазами пред собою, очевидно, негодуя на них. Надо было поправить это, но поправить никак нельзя было. Надо было как-нибудь прервать это молчание. Никто не решался, и всем становилось

страшно, что вдруг нарушится как-нибудь приличная ложь, и ясно будет всем то, что есть. Лиза первая решилась. Она прервала молчание. Она хотела скрыть то, что все испытывали, но проговорила.

– Однако, *если ехать*, то пора, – сказала она, взглянув на свои часы, подарок отца, и чуть заметно, значительно о чем-то, им одним известном, улыбнулась молодому человеку и встала, зашумев платьем.

Все встали, простились и уехали.

Когда они вышли, Ивану Ильичу показалось, что ему легче: лжи не было, – она ушла с ними, но боль осталась. Все та же боль, все тот же страх делали то, что ничто не тяжелее, ничто не легче. Все хуже.

Опять пошли минута за минутой, час за часом, все то же, и все нет конца, и все страшнее неизбежный конец».

Можно так или сяк складывать сущности в своем представлении. Невозможно арифметически складывать бытие.

В персонализме более понятен алогизм писателей, поэтов... «Тьмы низких истин *мне* дороже нас возвышающий обман». Классический философ не согласится с этим, персоналист как раз согласится и будет цитировать Пушкина в таком искаженном обобщенном виде: «Тьмы низких истин *нам* дороже / Нас возвышающий обман».

То, что Достоевский описывает как дьявольское своеволие в человеке, – это просто обычная женская душа, которую представил Пушкин в «Сказке о рыбаке и рыбке» (ее следовало бы назвать «Правдивая история про бабу, мечтающую стать царицей морскою и ругающуюся у разбитого корыта»).

У Достоевского читаем:

«Да осыпьте его всеми земными благами, утопите в счастье совсем с головой, так, чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастья, как на воде; дайте ему такое экономическое довольство, чтоб ему совсем уж ничего больше не оставалось делать, кроме как спать, кушать пряники и хлопотать о прекращении всемирной истории, – так он вам и тут, человек-то, и тут, из одной неблагодарности, из одного пасквиля мерзость сделает. Рискнет даже пряниками и нарочно пожелает самого пагубного вздора, самой неэкономической бессмыслицы, единственно для того, чтобы ко всему этому положительному благо разумию примешать свой пагубный фантастический элемент. Именно свои фантастические мечты, свою пошлейшую глупость пожелает удержать за собой единственно для того, чтоб самому себе подтвердить (точно это так уж очень необходимо), что люди все еще люди, а не фортепьянные клавиши, на которых хоть и играют сами законы природы собственноручно, но грозят до того доиграться, что уж мимо календаря и захотеть ничего нельзя будет. Да ведь мало того: даже в том случае, если он действительно бы оказался фортепьянной клавишей, если б это доказать ему даже естественными науками и математически, так и тут не образумится, а нарочно напротив что-нибудь сделает, единственно из одной неблагодарности; собственноручно чтоб настоять на своем. А в том случае, если средств у него не окажется, – выдумает разрушение и хаос, выдумает разные страдания и настоит-таки на своем! Проклятие пустит по свету, а так как проклинать может только один человек (это уж его привилегия, главным образом отличающая его от других животных), так ведь он, пожалуй, одним проклятием достигнет своего, то есть действительно убедится, что он человек, а не фортепьянная клавиша!»; «Одним словом, человек устроен комически; во всем этом, очевидно, заключается каламбур. Но дважды два четыре – все-таки вещь пренесносная. Дважды два четыре – ведь это, по моему мнению, только нахальство-с. Дважды два четыре смотрит фертотом, стоит поперек вашей дороги руки в боки и плюется. Я согласен, что дважды два четыре – превосходная вещь; но если уже все хвалить, то и дважды два пять – премилая иногда вещица».

Бертран Рассел – аналитик, математик, для него естественно считать, что «картина мира» есть совокупность логических высказываний». Эта фраза непонятна многим, но большинство понимает, что не все можно вербализировать. Человек, попадая в чуждую атмосферу, строит картину мира носом, и первое, что его будет раздражать, – это запахи и звуки. Как их можно вербализировать? Запахи и звуки – это существенная материальная часть нашего опыта и нашей памяти, где она может быть вполне вещественна. Естественно, что многое мы плохо помним и вспоминаем только, если ситуация повторяется, но все равно запахи, звуки, а также прикосновения (особенно оскорбительные) формируют нашу картину миру, определяя, что мы предпочитаем, что отвергаем... В работе «Исповедь персоналиста» достаточно сравнений картины мира собаки и человека. В первой нет абсолютных истин, каждая истина индивидуальна и связана с конкретными обстоятельствами или конкретными людьми. Животные не формируют вторичные понятия, и никакая собака не будет относиться к какому-то человеку дружелюбно только потому, что он относится к классу безобидных философов, как автор.

Человек подобен животному и так же, как животное, может легко отличать один класс предметов от других по каким-то признакам. Построить логическую систему распознавания образов не так сложно. Человек отличается от животных не только наличием мочки уха, которая есть только у него, но возможностью создавать иерархию взаимозависимых понятий. Это никакое животное не может представить. Человек может отличить грушу, яблоко от арбуза, вишни. Он может сесть на пенек, как на стул и обеденный стул одновременно: «Сяду на пенек, съем пирожок». Животному нужно понюхать, лизнуть. Можно, конечно, сказать, что и животное различает вторичные понятия: съедобные вещи, опасные или обстоятельства, близкие и хорошие, которые не обижают, а кормят. Но это все же зачаточные понятия более высокого уровня, нежели те, которые служат для распознавания и различения одного класса совокупных предметов.

Человек всегда формирует вторичные понятия начиная с некоторого возраста. Зачем? Чтобы проще было ориентироваться в мире разнообразных и в то же время однородных предметов. Так легче и понятнее передавать опыт. Это замечательное человеческое свойство имеет свою цену. Якобы так человеку проще жить для более точного познания, но как раз процесс формирования вторичных понятий (например, мебель, фрукты, полезные вещи, бесполезные вещи, хорошее, плохое, общество, конституция, биржа) – самый главный рассадник лжи. Личность – это не только истина, носитель истины, о чем мы так много говорили выше. Одна личность может формировать одни вторичные понятия, другая другие. Например, вторичное понятие: государство. Один видит одно государство, другой другое. Что такое война между государствами? Все животные как-то выживают. Не воюют. Борьба за жизнь – это не война. Можно дать едва ли не бесконечное число определений войны, но общего нет. Вторичные понятия не формализуемы, они открыты, и каждый класс вторичных понятий может быть наполнен новыми первичными понятиями или понятиями низшего уровня.

Истина – это то, что мы знаем о предмете, когда наши сведения не противоречат опыту использования. Это та истина, которую отрицал Хайдеггер: если можешь распоряжаться как хочешь, еще не познал истину.

Генетически человек не так зависим от того, что «ему передается». Некоторые птенцы генетически запрограммированы, что мама – это то, что в момент рождения они видят с красной точкой на лбу. Так что если экспериментатору, принимающего роды у птицы, нарисовать красную точку, то при всем очевидном несоответствии «акушера» с мамой-птицей, птенец запомнит его навсегда как свою настоящую мать и будет за ним следовать, пока не созреет...

Человек должен согласиться сам с собой, если он хочет быть царем мира, и с простым утверждением: «Без меня мира нет». Это не самое жесткое разделение: признаешь мир как он есть, или ты и твое присутствие меняют мир. Далее хуже. Если ты меняешь мир фактом своего присутствия в мире, кто и как может понять, что было изменено после того, как ты возник, почему и зачем. Когда человек рождается, он меняет мир на свой взгляд. Но видят ли эти изменения другие, чтобы признать их существенными?

Персонализм – это философия, когда человек участник того, что познается, он сам открывает крышку ящика Пандоры, не зная, что в нем заключено.

В этот момент философия становится судебной медициной.

Мы не способны запомнить положение точки на бескрайнем листе бумаги. Если экспериментатор поставит точку на огромном листе и попросит испытуемого посмотреть и запомнить ее место, потом сотрет точку, отведет испытуемого на несколько шагов в сторону и попросит восстановить ее, ничего не получится. Никто не попадет в старую точку. Даже бесконечные попытки не позволят испытуемому найти место старой точки, поскольку он не знает его. Мы способны запомнить пересечение линий, восстановить картинку пересеченных отрезков. Но никакую точку в мире ни один человек никогда не сможет восстановить и сказать, что это именно предыдущая точка.

Человек – сложное существо. В нем перемешаны и Лейбниц, и Маркиз де Сад.

Маркиз де Сад должен стать основоположником персонализма, как бы это ни казалось странным.

Страсти – основа философии, согласно этому своеобразному эмпирику.

Если не возвеличивать бессмысленно и бесконечно путь познания, мы должны признать, что путь страсти не менее важен.

Мир, в котором живем, – царство множественности. Человек требует, просит, надеется, что можно в этом мире жить так, как в царстве единичности.

Это формирует все вопросы и ответы.

Конфликт возникает, когда человеку некому сказать спасибо. Он не знает, какой должна быть благодарность, кому выражать признательность, но желание кого-то благодарить не может быть вычеркнуто из жизни человека. Каждый хочет благодарить, это внутренняя потребность, которая формирует человека.

Желание благодарить может превышать возможности реальной жизни.

Как бы то ни было, но потребность благодарить выше, чем способность оправдания. Поэтому можно грешить и надеяться на оправдание, что свойственно человеку, но разумных оправданий греха нет. Единственный способ оправдания человека – опора на множественность, поскольку очевидно, что, согласно логике действий человека, никто не хочет сделать самому себе ничего плохого. Множественность создает случайность и помогает сформулировать оправдание, что не так просто сделать, если нет множественности и случайности.

Если всегда можно найти оправдание (кто бы сомневался!), тогда за что человек кому-то за что-то должен благодарить?

Собака умеет благодарить. Но для человека благодарность – это низкая потребность животного, и только религиозное воодушевление способно подвинуть человека на благодарность.

Впрочем, благодарность – коварная вещь.

Не знают, как отблагодарить, только птицы, кошки, рыбы, тысячи других существ. Но так, чтобы было обидно, только человек может не отблагодарить.

Философия основана на убежденности, что человек хочет познать мир, и, поскольку очевидно при первом сравнении человека и мира, что познание мира дело трудное и вряд ли земной конечный человек может познать мир сам по себе, значит, ему следует познавать мир последовательно, передавая знания от одного к другому. Знания весомее опыта, как сложный

процент крупнее простого. Опыт передается через знание. Поэтому так легко обмануться, перепутав знание и опыт. Древний человек или Робинзон на острове мог исследовать мир так, как хочет, современный человек должен согласовывать свои опыты с основополагающими принципами, принятыми другими. Иначе не о чем говорить, и по-другому современный человек не мог бы возникнуть.

Человек – познающее существо. Способность к познанию у нас заложена в генах, и мы познаем мир независимо от нашей воли, как и все живое познает его посредством опыта.

Мы говорим о человеке не в том смысле, как он видит сам себя. Человек скрывает себя от всех, даже от самых близких. Кто нам ближе, чем наши друзья? Вспомним, что Персона – это Маска.

Человек говорил и говорит о мире десятки тысяч лет. Мир всегда лежал перед ним. Бери и трогай. Раньше были некие попытки избежать мира, чтобы он не навредил человеку, потом оказалось, что в целях безопасности проще научиться использовать мир, чтобы стать главным и единственным рулевым, кормчим. Один человек не справится с миром, но вместе можно и попробовать. В этот момент человек перестал быть связан с миром. Возникла социальность, обрушившая личную связь человека с миром и сделавшая ее ничтожной, без последствий. Можно жить вне мира, прекрасно существовать среди людей с их собственными и особыми закономерностями жизни, которые должны стать законом мира, поскольку для всех мыслящих понятно, что если вытащить человека из сумки мира, в ней ничего не останется.

Какой мир? Вы его видели, значит, вы с ним связаны. Если связаны, то должны говорить о том, что есть мир, включающий в себя все, что мы таким образом называем, и есть мы со всем тем, что в нас. А что в нас? Знание? Сила? Умение распоряжаться? Умение благодарить? Теоретически нам нужно благодарить все, что есть, за то, что оно есть, чтобы мы были такими, как мы есть.

Человек живет в своем мире, который понимает и знает. Проблема человека начинается, когда он поневоле попадает в другой мир, осознает, что его следует как-то принять, но спустя время видит, что этот мир зависит только от самого человека, а это «другое-не мое, а свое-мое» порождает все проблемы. Человек слишком умен для тех обстоятельств, в которых живет. Животные живут согласно своему «уму», как только взрослеют, взрослая собака кардинально отличается от щенка. Щенок бежит за листьями, которые гонит ветер, и стремится их поймать. Щенок больше похож на ребенка: у щенка тоже есть неопределенное будущее. Собака и человек – это различные субъекты жизни. Человек настолько отягощен разумом, что, кажется, он не может быть природным явлением и родиться из ничего. Поэтому так трудно понять, что человек произведен в результате некоторого неопишуемого процесса таким, каким он есть, из таинственных великолепных чресл обыкновенной обезьяны. Посмотрите на портрет гориллы в этой книге. Кто из нас мог бы так умно и внимательно посмотреть?

Раздвоенность между вечным и временным побуждает человека совершать поступки греховные, путаясь между разумным и животным, при этом разум живет уже отдельно и как бы пользуется телом человека, совершая симбиоз с неродственным организмом.

Социальность человека помогает уравнивать и сглаживать конфликт между излишним разумом и текущими обстоятельствами. Обезьяны в клетке в зоопарке живут социально своей стандартной обезьяньей социальной жизнью. Наслаждаются как могут. У человека такая жизнь не получается. Разум разрывает прутья клетки. Однако это не помогает человеку. Его социальность оказывается не свободой, а новой клеткой, в которую попадает не человек как производное обезьяны, а человек-разум. Это базис персонализма. Разум – это клетка, в которую человек попадает, пытаясь остаться человеком в том смысле, как он себя ценит, понимает.

Человек живет в клетке. В клетке разума. Можно не замечать этого или замечать. Феноменология понимает, что мы живем в клетке, и дает возможность открыть настежь ворота и выйти наружу без знания о том, что нас там ждет. Познавай мир и не морочь себе голову, говорит феноменология. Экзистенциализм подталкивает: иди в мир и не бойся, тебе там некого бояться, кроме самого себя. Персонализм тоже, конечно, не знает, что нас ждет. Феноменология спрашивает: как мы могли так долго жить в клетке и что мы делали все это время? Персонализм соглашается с феноменологией, говорит, что было трудное время, а разум – этот дар, за который не знаешь, как и кого благодарить... кому сказать спасибо.

Трудно познать мир не только в силу того, что он бесконечен и разнообразен. Человечество тысячи лет пыталось сформулировать основы всякого понимания мира. И Платон, и Аристотель, и Гегель, и, наконец, Гуссерль предлагали различные формулировки способа восприятия, форматирования и передачи знания.

Персонализм нельзя назвать философией, поскольку человек не думает о том, как трансформировать свою картину мира другим. Персонализм не может быть психологией, поскольку никто не занимается психологией сам по себе, обычно изучают психологию человека на примере другого человека – даже Фрейд едва ли начал с себя, как практикующий психотерапевт, он основывался на профессиональном опыте.

Персонализм – это сказка о картине мира, которую мы все создаем, которой делимся все как можем с другими – расчленив картину на части, кусочки, чтобы найти каждый раз общее с другими обладателями своих картин мира. Сказочно говоря, персонализм – это сказка, включающая наши любимые и ненавистные миры, в которых мы все живем, не имея никакой возможности доказать, что мы живем вместе, поскольку в любой момент мир и близкие могут отвернуться, оглохнуть, ослепнуть, умереть. Нельзя принципиально говорить о каком-либо единстве, если следовать логике разговора, который постоянно идет в душе каждого человека и сближает людей – не поступки и вовлеченность во что-то и от чего легко можно отвернуться, а внутренняя речь человека, которая не зависит от текущего, непонятного другим, и именно поэтому принимается другими. Внутренняя речь человека в таком понимании отлична от того, о чем говорил Рассел: «“картина мира” есть совокупность логических высказываний» Скорее, картина мира – это совокупность представлений, бессмысленных высказываний, в которых человек постоянно ищет логику, чтобы в каждый момент, когда потребуется, предоставить хаос мнений в виде цепочки логических высказываний, возникающих случайно и заканчивающихся, когда мы выскажемся. Через мгновение мы можем опять породить новую цепочку, состоящую из перемешанных чувств, старых любимых мыслей, новых наблюдений и размышлений, и оформить все таким образом, чтобы можно было передать другим, которые ничего не поймут. Поэтому в персонализме мы пытаемся передать знания тем, кто тебя понимает. В душе мы всегда говорим с друзьями. Спорим с чужими, ругаемся с любимыми, но говорим только с друзьями.

Вот почему в этой книге так много говорится о собаке: ведь она – друг человека. С ней можно разговаривать, как с другом.

С кошкой никто не беседует. «Дай, Мурзик-котик, мне на счастье лапу», – никто такое не сочинит. «Дай, Друг, на счастье лапу мне», – я сам просил свою собаку неоднократно.

Исповедь персоналиста

Глава 1. Простое, понятное

Вначале автор замыслил книгу прямолинейно, по-школьному, как азбуку персонализма, поскольку, очевидно, мало кто знает, что такое «истинный» персонализм, чем он отличается от других «философий» и «психологий». Персонализм недостаточно хорошо представлен в простой и понятной форме, хотя в силу названия (каждый из нас в том или ином отношении – личность, персона) следовало ожидать большего интереса.

Сначала автору показалось, что можно легко объяснить недоразумения, связанные с персонализмом, если правильно определить базовые понятия, чтобы дальше рассуждать о самом важном так естественно, как играешь в бильярд или шахматы, когда фигуры расставлены и простые законы игры понятны. Без правил играет тот, кто не читал Канта. Если правил нет, зачем играть? Игра всегда должна идти по правилам. Это наивные заблуждения. Человек никогда не играет по правилам. Поэтому ему всегда не по себе. Вялое, мечтательное, блуждающее мышление не успевает за деятельностью, а деятельность – это не только размышления, чувства, обиды, мечты, желания, но и весь адский душевный котел, в который помещен человек со всеми своими «близкими»: родителями, родственниками, обществом, государством, Вселенной. Их он должен любить и уважать, благодаря им только и может называть себя *человеком*. А если задумался, оплошал, оступился, забыл о самом себе – персоналиста больше нет. Остается холодный эгоист, нудный индивидуалист, бесчеловечный материалист, бездушный позитивист или «просто мелкая бездарная заносчивая личность».

Персонализм был знаком человеку с начала времен. Человек всегда задумывался о том, кто он, чем отличается от других людей, от мира природы, и видел, что несхож со всеми.

Человек уникален и отличается от животных, поскольку может представить, как развивалась Вселенная с первой секунды. Животное едва ли задумывается об этом, хотя невозможно вообразить, о чем «думает» животное, когда любит по-своему детенышей, заботится о них, когда ищет особь противоположного пола или скитается в поисках пищи, когда страдает от болезней или травм. Животное имеет врожденные способности и приобретенные навыки. Собака, с которой хозяин с детства разговаривал и делился опытом, в возрасте пяти лет ведет себя как трехлетний ребенок.

Среди животных распространена кооперация, и не только внутри стаи, когда обезьяны ищут друг у друга блох или стая волков дружно нападает на слабое животное. В Интернете было представлено видео попугая и собаки, находившихся в одной комнате. На столе стояла кастрюля с макаронами. Собака не могла дотянуться до нее, попугай же, который мог не только прыгать, залетел на столик и стал доставать макароны из кастрюли. Пока он обрабатывал верхнюю часть макаронины клювом, а нижняя беззащитно свисала ниже стола, собака слизывала и проглатывала доступное лакомство. Еще пример: шимпанзе в зоопарке, по описанию наблюдателей, заранее складировал камни и прятал метательное оружие в различных местах ближе к ограде, чтобы потом было удобнее кидать в зрителей – шимпанзе-самец, естественно, должен реагировать на популяцию нахальных людей-посетителей, которые стоят у сетки. Он привык бросать в них что попадет, чтобы утвердить доминирование, но запастись камнями и складировать запасы ближе к цели – это уже высокоорганизованная картина мира в голове шимпанзе. Впрочем, человек все-таки отличается от обезьян и даже от других людей, а порой настолько, что даже трудно понять, как он может жить вместе с ними в одном государстве, работать в одном цехе, учиться в одной школе, лечиться в одной больнице. Многие люди любят свою собаку больше соседа. А как

мы любим себя! Об этом писал Поэт: «Любите самого себя, достопочтенный мой читатель. Предмет достойный: ничего любезней, верно, нет его».

В данной работе не будем говорить о самом плохом, что есть в человеке, о том, почему он не любит других людей. Это личное, у каждого своя история, свои обиды, недоразумения. Хорошее свойство плохого в человеке в том, что оно может быть случайным и ничего не определяющим. Избавиться от плохого в прошлом можно посредством покаяния, независимо от того, во что и как верит человек. Время тоже убирает плохое. Говорят, что мужчины дольше помнят нехорошее. Другим кажется, что это утверждение сомнительное. Зачем спорить? Прошлое так или иначе всегда влияет на настоящее. В прошлом всегда присутствует личность. Невозможно вспомнить что-то, если нет точки зрения, поэтому так трудно вспомнить прошлогодние сны, хотя ночные сны – это почти треть жизни человека и во многом – отражение личности человека. Прошлое – это часть картины мира, которой живет каждый, и у каждого своя картина. В этом недоразумение, но в этом и свобода.

Персонализм – это философия личности. Слово *персона* в русском языке старомодно, скорее воспринимается негативно. *Персона, ипостась* – в этих словах чувствуется что-то сложное, запутанное, прикованное. В таком случае персонализм выглядит как архаическое течение, согласно которому мир воспринимается с точки зрения непонятной многоликой личности. В этом, по иронии, есть своя правда. Персонализм – точка зрения на мир отдельной личности (какова бы ни была личность, по мнению читателя: негативная или позитивная, запутанная или распушенная).

Персонализм отличается от субъективизма и индивидуализма. Персонализм – это видение мира отдельным субъектом, который имеет свои личные пристрастия, определяющие именно его точку зрения. Во многом персонализм субъективен, эгоцентричен, но, согласно этой философии, в нем нет ничего плохого, ведь только так может существовать разнообразный мир, в котором мы все живем. Можно быть субъективистом или идеалистом и не придавать значения существованию в мире других субъектов или индивидуумов. Персоналист не может относиться неуважительно к другим личностям. Личность не может существовать в мире одна, поэтому в определенной мере персонализм индивидуализму противоречит. В первом даже по определению должно быть много социального, не субъективного, не индивидуального.

Персонализм коварен, игрив и подразумевает маску индивидуальной личности, в отношении которой мы говорим о персонализме. Поскольку персонализм, в сущности, всегда социален, маска – персона – обязательна. Человек не может раскрыться другим людям полностью ни при каких обстоятельствах. Хотя в иные минуты каждый понимает и представляет самого себя таким, каков он есть для себя или для других, самым выпуклым и наиболее полным образом. Люди в персонализме – тоже маски, за которыми скрыто что-то родное, понятное, такое же, как в тебе, но в них есть и нечто другое, что понять невозможно, как говорится: «Чужая душа – потемки». Персоналист не должен лезть в душу другого, достаточно, что существование другого уже оправдывает человека как точку зрения на мир, как картину мира. Человек имеет полное право носить «маску» (персону), поскольку никто не может полностью раскрыться другому. И любовь, увы, – это не максимальное раскрытие одного человека другому, это только одна из форм раскрытия. Максимальных раскрытий не может быть, так как нет возможности сравнений.

Индивидуализм создал европейскую цивилизацию (конечно, правильнее сказать: оказал огромное влияние на развитие европейской цивилизации), но в него больше никто не верит. В персонализм тоже никто не верит, путая его с индивидуализмом. Персонализм от индивидуализма невозможно отличить. Нет критериев. Каждого персоналиста можно «осудить» как индивидуалиста или эгоиста. Персонализм как раз и возникает именно тогда, когда индивидуализма недостаточно. Индивидуализм, эгоизм – это детство человечества, персо-

нализм – мировоззрение взрослого человека, обремененного семьей, работающего, планирующего на несколько десятков лет вперед свою жизнь, берущего кредиты, вступающего в долговременные и значимые отношения с обществом.

Индивидуалистическая философия формировала человека несколько веков и отменно обслуживала на закате феодализма, когда мелкий торговец стал для общества важнее иного аристократа, и на заре капитализма, в период первоначального накопления капитала, и позже, когда начали возникать крупные производства. Социалистическая философия оказалась востребованной в период империалистического капитализма, когда нужно было задействовать массы, увлекаемые идеологией как инерцией, чтобы решать силовыми массивными средствами экономические проблемы. Социализм как идеология – это не торжество совершенной личности, это война, нивелирование личности ради массы, поскольку только последняя способна оказать существенное историческое воздействие, которого добивается социализм как идеология, и только масса может продавить историю. Социализм – это не свобода и равенство, это обман, насилие, постоянная вражда с «иным» миром и война.

Война – это позор. Нельзя вовлекать граждан в военные действия, умерщвлять семьи ради решения вопросов, которые должны быть решены другими способами. Хотя каждый имеет право воевать, если это ему нравится. В этом нет индивидуализма или персонализма, поскольку это не выбор самого человека. Нельзя воевать одному. Это должны делать многие. Даже Дон Кихот не воевал, а защищал справедливость. Война – дело социальное, и это самое страшное мерило в персонализме. Когда идет война, персоналист должен сидеть в тюрьме, поскольку персоналист – пацифист. Персоналист не хочет воевать, так как это нарушает базовые представления о мире. Если можно убивать других людей при определенных обстоятельствах, как можно построить мир, в котором самое главное – другие люди? А если эти люди могут быть случайными, их можно убить, и они больше не будут участвовать в рассуждении, должны быть «выведены за скобки»? Но если люди «выведены за скобки», о каком персонализме можно говорить? Если бизнесмен может достать револьвер и убить конкурента – это не конкуренция.

За краткий срок существования человечества в таком виде, как мы его знаем из достоверных источников, чего только не делал человек по отношению к другим людям: сажал на кол, подвешивал за ребра на крюки, разрывал на части, отрубал руки и ноги, чтобы оставшийся обренок жил и помнил, что согрешил. Поэтому так трудно сказать о себе: «Я – персоналист». Персоналист порой должен жертвовать собой, что неестественно. Он тоже иногда вынужден идти на войну, но делает это с большой неохотой, и в этом нет ничего значимого, поскольку и лентяй не хочет воевать, но у лентяя с персоналистом мало общего. Например, писатель Сартр, участник Сопротивления: как философ он экзистенциалист, но как писатель – персоналист.

Совершая поступок, мы выбираем себя, но в персонализме такая идея не работает, поскольку в этой философии человек выбирает себя не тогда, когда совершает поступок, а когда кается, очищается от грязи, которую создал, совершив что-то, поэтому персонализм говорит больше о внутреннем, будущем, нетленном в человеке, чем о прошлом, темном, наносном. Грешат многие. И мечтают многие. Для кого-то мечты, сны смыывают совершенный непростительный грех. В персонализме нельзя отмыться от греха, забыть, искупить. Никто, кроме тебя самого, не накажет тебя. То, что ты сделал, остается с тобой навечно в той или иной форме. Беспечно выбирая будущее, мы забываем прошлое, а помня и оставаясь зависимыми от прошлого, сохраняем связь прошлого и настоящего.

В персонализме человек всегда должен быть выше своего прошлого, хотя это несколько никого не возвышает.

Возможно, персонализм окажется для молодежи самым близким философским течением, поскольку она живет на закате капитализма: конкурентоспособность государств зави-

сит от культуры, рабочей этики и государство может процветать, даже если налоговый пресс достигает 60 %, или когда налог низкий, производство конкурентоспособно, квалифицированный персонал и бизнес не перетекают в другие страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.